

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

УДК 340.111.57, ББК 67.0, ГРНТИ 10.07.61, КОД ВАК 12.00.01

А. А. Васильев, О. Е. Зацепина

Барнаул, Россия

ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТЕКСТА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА

В статье рассматриваются презумпции и фикции в аспекте их технико-юридического значения и особенности их закрепления в тексте нормативно-правового акта. На конкретных примерах показано, что они могут быть закреплены как прямым способом, так и косвенным, позволяющим выявить их только путем толкования текста. При этом отмечается, что косвенные презумпции необходимо трансформировать в прямые для их лучшего применения, а косвенные фикции не нуждаются в этом, так как трудностей в их выявлении не возникает, и такой способ закрепления является для них целесообразным. Фикции обязательно нужно отграничивать от негативных фиктивных явлений, так как они, как и презумпции, участвуют в образовании юридических терминов и благодаря своим уникальным свойствам оптимизируют не только правовое регулирование, но и правотворческую работу законодателя, способствуя лингвистической экономии, делая текст нормативно-правового акта емким, лаконичным и недвусмысленным, то есть способствуют соблюдению правил юридической техники, предъявляемых к нему. Презумпция в значении предположения, имеющего определенную степень вероятности, обусловленную логически и исторически, используется не только в праве, но и в других науках, а также в повседневной жизни, как и фикция в значении средства, с помощью которого заведомо ложное признается истинным с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений. Таким образом, презумпции и фикции являются необходимыми элементами текста нормативно-правового акта, позволяющими донести его смысл до адресатов.

Ключевые слова: юридическая техника, презумпция, фикция, рационализация правотворчества, лингвистическая экономия.

Сведения об авторе: Антон Александрович Васильев, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доцент. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Сведения об авторе: Олеся Евгеньевна Зацепина, соискатель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доцент. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, к. 315. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

A. A. Vasiliev, O. E. Zatsepina

Barnaul, Russia

PRESUMPTIONS AND FICTIONS AS THE ELEMENTS OF THE TEXT OF THE NORMATIVE-LEGAL ACT

The article deals with the presumptions and fictions in relation to their technical and legal significance and the peculiarities of their capturing in the text of a statutory act. The case studies discussed in the article show that they can be captured both directly and indirectly in which case they can be identified only by interpreting text. At the same time it is noted that indirect presumptions must be transformed into direct ones for their better enforcement, and indirect fictions do not need this since no difficulties in their identification arise and this way of capturing is expedient for them. Fictions must necessarily be separated from negative fictitious phenomena since they as well as presumptions participate in the development of legal terms and due to their unique nature optimize not only legal regulation but also law-making work of a legislator thus contributing to linguistic economy, making the text of the statutory act concise, laconic and unambiguous all of which contributes to the compliance with the rules of legal technique imposed on it. Presumption in the meaning of an assumption with high degree of logical and historical probability is used not only in law but also in other sciences and everyday life where it functions as fiction by means of which the knowingly false is recognized as true in order to overcome the situation uncertainty and in order to propote normal development of social relations. Thus, presumptions and fictions are necessary elements of the text of a statutory act allowing to inform its sense to the addressees.

Key words: legal technique, presumption, fiction, efficiency of law-making, linguistic economy.

About the author: Anton Alexandrovich Vasiliev, Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University, Associate Professor. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialistitcheskiy, 68, office 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru.

About the author: Olesya Evgenievna Zatsepina, post-graduate of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office. 315. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru.

Юридическая техника представляет собой систему средств, приемов и правил, которые используются при создании, оформлении и упорядочении нормативно-правовых актов с целью обеспечения эффективности их регулятивного воздействия. Ее основным объектом является текст нормативно-правовых актов, поэтому юридическая техника призвана структурировать его, сделать понятным, ясным, лаконичным и недвусмысленным [Юридическая техника и ее значение для правотворчества 2015].

В настоящей статье мы рассмотрим такие средства юридической техники, как презумпции и фикции, особенности их закрепления в тексте нормативно-правовых актов и значение такого закрепления.

Начнем с правовой презумпции. Согласно одному из самых известных определений данного понятия, сформулированному В. К. Бабаевым, «правовая презумпция – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [Бабаев 1991: 91].

Это определение раскрывает происхождение правовых презумпций, но в нем не указан один из главных ее признаков – опровержимость, а также отсутствует указание на цель ее применения.

Поэтому, по нашему мнению, правовая презумпция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, пока не доказаны факты, его опровергающие, и применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

В тексте нормативно-правового акта правовая презумпция может быть закреплена двумя способами: прямым и косвенным.

Прямой способ означает непосредственное закрепление, не требующее толкования. Оно осуществляется тремя способами: с помощью выражений

«...пока не доказано иное», «...если не докажет», «...предполагается» и других; посредством использования термина «презумпция» в правовой норме; с помощью термина «презумпция» в наименовании статьи, содержащей правовое предположение [Каминская 1948: 79–80].

Например, согласно ч. 1 ст. 152 ГК РФ, устанавливающей *презумпцию доброго имени гражданина*, данная презумпция действует, если распространивший порочащие сведения не докажет, что они соответствуют действительности»; ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» закрепляет *«презумпцию добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей»*. Иногда законодатель совмещает эти варианты. Так, ст. 315 Кодекса торгового мореплавания РФ, имеющая название «Презумпция невиновности судов», гласит, что «ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное», а ч. 2 и ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, имеющей название «Презумпция невиновности», содержат выражения «пока вина не будет доказана» и «не обязано доказывать свою невиновность».

Косвенные презумпции могут быть выведены только путем толкования текста нормативного акта (например, *презумпция невиновности ответчика* (ст. 6, ст. 12 ГПК РФ), *презумпция беспристрастности судьи и некоторых других лиц, участвующих в судопроизводстве* (ст. 120 Конституции РФ, ч. 3 ст. 16 ГПК РФ и ч. 2 ст. 18 ГПК РФ) и *презумпция неразумения содеянного лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность* (ч. 1 ст. 20 УК РФ)).

Учитывая данную особенность косвенных презумпций, многие ученые не признают их юридическое значение, полагая, что они являются фактическими, а не правовыми и представляют собой мотив, которым руководствуется законодатель при закреплении соответствующей правовой нормы, и утверждают, что единственно возможный способ закрепления правовой

презумпции – прямой (Н. Н. Цуканов, 2001; М. Л. Давыдова, 2009; М. Н. Бронникова, 2006; Л. А. Грось, 1999; и другие).

Е. Ю. Веденеев справедливо полагает, что для лучшего применения предположения необходимо закреплять в законах так, чтобы не требовалось их толкование, так как выявление, толкование и применение на практике косвенных презумпций вызывает определенные трудности и, как следствие, приводит к дискуссиям по данному вопросу [Веденеев 1998: 46].

Но отрицать существование и юридическую значимость рассматриваемого вида правовых презумпций бессмысленно, так как каждая из них играет активную роль в правовом регулировании, вызывая соответствующие правовые последствия.

Кроме того, многие косвенные презумпции сформулировал Конституционный Суд РФ (такowymi являются: *презумпция соответствия деятельности законно избранных представительных органов субъектов Российской Федерации Конституции и законодательству Российской Федерации, презумпция конституционности положений федерального законодательства, презумпция добросовестности и разумности действий конституционных органов, презумпция добросовестности налогоплательщика, презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам, презумпция знания закона* [Сериков 2008: 19]), что определяет их особый статус и не оставляет сомнений в их юридической значимости.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо трансформировать косвенные презумпции в прямые и в дальнейшем использовать прямой способ закрепления презумпций, так как это соответствует требованию юридической техники о лаконичности, ясности, четкости и недвусмысленности текста нормативно-правовых актов, в которых они закреплены. Это будет способствовать эффективному выявлению и применению правовых презумпций на практике, что приведет как к оптимизации правового регулирования и

процессуальной экономии, так и к рационализации правотворческой работы законодателя и лингвистической экономии.

В целом правовые презумпции имеют очень важное технико-юридическое значение, участвуют в образовании многих юридических терминов (*презумпция отцовства, презумпция авторства, презумпция добросовестности, презумпция вины, презумпция невиновности* и т. д.) и способствуют рационализации юридической терминологии.

Однако Г. Ч. Синченко приводит употребление презумпций в праве в качестве одного из примеров гипертерминологизации, аргументируя это тем, что «согласно толковому словарю термин «презумпция» трактуется двояко: в философии – это предположение, основанное на вероятных предпосылках; в юриспруденции – предположение, которое считается истинным, пока его правильность не опровергнута, а поскольку термин стремится к однозначности внутри своего терминологического поля, постольку единственного термина «презумпция» нет – есть одно иностранное слово, прижившееся в книжной речи» [Синченко 2017: 58].

Данная позиция вызывает возражения, поскольку приведенные определения совсем не противоречат друг другу, юридическое определение накладывается на философское (более наглядно это демонстрирует определение В. К. Бабаева, указанное нами выше). Именно в таком значении (предположения, имеющего определенную степень вероятности, обусловленную логически и исторически) презумпция употребляется во многих науках (психологии [Первомайский 2001: 107], биологии [Павлинов 2005: 436]) и в повседневной жизни человека.

Некоторые презумпции, выработанные определенной наукой или сформированные на основе житейского опыта и здравого смысла (например, *презумпция наличия у каждого типа личности соответствующих психологических установок* или *презумпция о плохой видимости при определенных погодных условиях*) используются законодателем и правоприменителем в качестве внутреннего обоснования принятия решения

или мотива закрепления правовой нормы, хотя и не имеют юридического значения (такие презумпции называются фактическими презумпциями [Федотов 2001: 48]).

В таком же значении употребляется презумпция и в праве (в этом проявляется ее логико-философский аспект), так как правовые презумпции, обладающие высокой степенью вероятности (а таких презумпций большинство), образуются именно таким способом.

Конечно, существуют и маловероятные правовые презумпции (например, *презумпция невиновности*), но они являются исключением из правила, кроме того, тоже основаны на предшествующем опыте, только закрепляют положение, полностью противоречащее результату такого обобщения в целях защиты интересов обвиняемого (как показывает практика, большинство из них виновны).

С позиции юридического, а не логико-философского подхода (ярким представителем которого является В. К. Бабаев) правовая презумпция определяется как доказательственный прием, посредством которого при наличии определенных условий делается вывод о наличии либо отсутствии каких-то фактов, не подлежащих доказыванию [Воложанин 1953: 5].

Но, так как такой доказательственный прием также имеет логико-философскую природу образования, это определение не противоречит рассмотренным выше, а тоже накладывается на них. Поэтому, по нашему мнению, не нужно противопоставлять логико-философский и юридический подходы к сущности правовой презумпции, так как они представляют собой два равноправных ее аспекта, характеризующие ее различные свойства.

Таким образом, представляется, что существует общий термин «презумпция», который используется во всех науках (включая право) и в повседневной жизни, и его закрепление в тексте нормативно-правового акта, в том числе участие в образовании иных юридических терминов, имеет огромное положительное значение и не является гипертерминологизацией.

Перейдем к рассмотрению правовой фикции.

По мнению В. К. Бабаева, «правовая фикция – это применяемый в праве технико-юридический прием, посредством которого несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме» [Бабаев 1974: 28].

Предлагаем следующее авторское определение, наиболее полно ее характеризующее: правовая фикция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется заведомо ложное неопровержимое положение, определенным образом деформирующее действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства). По нашему мнению, «средство юридической техники» более широкое понятие, чем «технико-юридический прием» (которое характеризует способ изложения законодательной воли в тексте нормативно-правового акта), оно обозначает именно инструмент регулирования общественных отношений [Филимонова 2013: 52]; заведомая ложность является главным признаком правовой фикции, подчеркивающим ее уникальность и позволяющим отграничить ее от иных средств юридической техники; признание несуществующего положения существующим является только одним из видов деформаций реальности, производимых правовыми фикциями (сам В. К. Бабаев выделял также признание несуществующим существующего положения, приравнивание различных и даже противоположных понятий, признание возникновения обстоятельств раньше либо позже того, чем это было на самом деле [Бабаев 2013: 345]); целевая составляющая правовой фикции обязательно должна быть указана в определении ее понятия, кроме того, это обозначает ее положительное значение.

Правовая фикция, как и правовая презумпция, может быть закреплена в тексте нормативно-правового акта либо прямым, либо косвенным способом [Ковтун 2010: 231].

Прямая фикция закрепляется, как правило, с помощью слов «считается», «не считается», «не учитываются» и др. Например, *«когда своевременно*

направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно не уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием. Если сторона, направившая оферту, немедленно сообщит другой стороне о принятии ее акцепта, полученного с опозданием, договор считается заключенным» согласно ст. 442 ГК РФ, а согласно ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива не учитываются определенные судимости, установленные УК РФ.

Косвенные фикции выводятся из текста нормативно-правового акта путем его толкования. Например, согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ *«в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления»*, то есть оконченные действия организатора, подстрекателя и пособника приравниваются к неоконченным действиям [Ситникова 2008: 65].

Следует отметить, что существование косвенных фикций, в отличие от косвенных презумпций, не вызывает дискуссий в литературе, а их выявление и применение не влечет трудностей на практике, поэтому нет необходимости (к тому же, это не всегда возможно или целесообразно) трансформировать косвенные фикции в прямые и использовать только прямой способ закрепления, как в случае с правовыми презумпциями.

Правовые фикции с помощью производимых деформаций действительности не только оптимизируют правовое регулирование, но и делают текст нормативно-правовых актов более емким, четким, лаконичным, понятным и недвусмысленным, участвуют в образовании юридических терминов (*юридическое лицо, бездокументарная ценная бумага, «бестелесная» вещь* и др.), то есть выполняют функцию законодательной и лингвистической экономии, особенно посредством приравнивания и

искусственного уподобления различных и даже противоположных понятий (распространением правового режима одного объекта на другой [Джазоян 2006: 8]), так как это избавляет от необходимости создания отдельных режимов для каких-то объектов и препятствует излишнему увеличению количества нормативно-правовых норм и законодательных актов (например, *отнесение к недвижимым вещам подлежащих государственной регистрации воздушных и морских судов, а также судов внутреннего плавания и иного имущества, указанного в законе* – это ч. 1 ст. 130 ГК РФ).

В повседневной жизни к понятию «фикция» сложилось негативное отношение ввиду отождествления с фиктивными явлениями, имеющими отрицательное значение (фиктивными состояниями, фиктивными действиями и фиктивными нормами). Фиктивные состояния (например, *фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивное усыновление*) и фиктивные действия, направленные на обретение фиктивных состояний (например, *предъявление фиктивных документов, использование фиктивных денег*) имеют своей целью обход закона для удовлетворения своих интересов, противоречащих интересам общества и государства. А фиктивные нормы – это нормы, не реализующиеся на практике ввиду неправильного отражения в них действительности либо отсутствия правовых механизмов их реализации в законодательстве [Панько 1999: 1]. По нашему мнению, фикцию как средство нужно обязательно отграничивать от фиктивных явлений с целью ее лучшего понимания и исследования и раскрытия положительных свойств.

Фикция как средство рационализации определенных правил с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений используется не только в праве, но и других науках (например, *доказательство от противного* в математике, когда для доказывания теоремы заведомо ложное признают истинным) или в повседневной жизни (например, фикции используются при установлении правил для настольных игр при подсчете баллов, заработанных игроками).

Фикции также используются при установлении правил оплаты публикации статей (например, в некоторых журналах стоимость рассчитывается за страницу, при этом менее половины страницы вообще не учитывается, а более ее половины – считается за полную страницу).

Таким образом, презумпции и фикции являются необходимыми элементами текста нормативно-правового акта, позволяющими донести его смысл до адресатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
2. *Бабаев В. К.* Теория государства и права. М., 2013.
3. *Бабаев В. К.* Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991.
4. *Бронникова М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
5. *Веденеев Е. Ю.* Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве. Государство и право. 1998. № 2. С. 43–49.
6. *Воложанин В. П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953.
7. *Грось Л. А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
8. *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.
9. *Джазоян Е. А.* Категория фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.
11. *Ковтун Н. Н.* Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи. Юридическая техника. 2010. № 4. С. 231–235.
12. *Павлинов И. Я.* О значении презумпций в филогенетике (по поводу статьи Ю.А. Песенко «Филогенетические презумпции...»). Журнал общей биологии. 2005. № 5. Т. 66. С. 436–441.
13. *Панько К. К.* Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998.

14. *Первомайский В. Б.* Презумпции в психиатрии. Киев, 2001.
15. *Сериков Ю. А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2008.
16. *Синченко Г. Ч.* Язык права. Часть II. Терминологический ажиотаж. Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 57–64.
17. *Ситникова А. И.* Фикции в уголовном праве. Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.
18. *Федотов А. В.* Понятие и классификация доказательственных презумпций. Журнал российского права. 2001. № 4. С. 45–55.
19. *Филимонова И. В.* Место юридической фикции в системе средств юридической техники. Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 47–53.
20. *Цуканов Н. Н.* О критериях правовой презумпции. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2-х тт. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
21. Юридическая техника и ее значение для правотворчества, 2015. URL: <http://www.lektsii.net/2-79404.html>

REFERENCES

1. Babaev V. K. Presumptions in Soviet Law [Prezumpstii v sovetskom prave]. Gorky, 1974.
2. Babaev V. K. Theory of State and Law [Teoriya gosudarstva i prava]. Moscow, 2013.
3. Babaev V. K. The Theory of Modern Soviet Law: Passages from Lectures and Schemes [Teoriya sovremennogo sovetskogo prava: fragmenty lektsiy i skhemy]. N. Novgorod, 1991.
4. Bronnikova M. N. Civil-law Presumption under the Russian Legislation: Content, Legal Forms and Application [Grazhdansko-pravovaya prezumpstsiya po rossiyskomu zakonodatel'stvu: sodержaniye, pravovyye formy i primeneniye: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk], Kazan, 2006.
5. Vedeneev E. Yu. The Role of Presumptions in Civil Law, Arbitration and Civil Proceedings [Rol' prezumpstsiy v grazhdanskom prave, arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve]. State and Law. 1998. № 2. P. 43–49.
6. Volozhanin V. P. Legal Assumptions in Soviet Civil Law and Litigation [Yuridicheskiye predpolozheniya v sovetskom grazhdanskom prave i protsesse: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Sverdlovsk, 1953.
7. Gros L. A. Influence of Norms of Substantive Law on Civil Procedural Law (Scientific and Practical problems) [Vliyaniye norm material'nogo prava na grazhdanskoye protsessual'noye pravo (nauchno-prakticheskiye problemy): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.]. Moscow, 1999.

8. Davydova M. L. Legal Technique: Problems of Theory and Methodology [Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya]. Volgograd, 2009.
9. Jazoyan E. A. Category of Fiction in Civil Law [Kategoriya fiktsii v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2006.
10. Kaminskaya V. I. The Studies of Legal Presumptions in the Criminal Process [Ucheniye o pravovykh prezumptsiyakh v ugovnom protsesse]. Moscow, 1948.
11. Kovtun N. N. Presumptions and Fictions of the Criminal Procedural Law of Russia: the Technology of the Conscious Lie [Prezumpitsii i fiktsii ugovno-protsessual'nogo prava Rossii: tekhnologiya osoznanoy lzhi]. Law technique. 2010. № 4. P. 231–235.
12. Pavlinov I. Ya. The Significance of Presumptions in Phylogenetics (in regard to the article by Pesenko Yu. A. «Phylogenetic presumptions ...») [O znachenii prezumptsiy v filogenetike (po povodu stat'i Yu. A. Pesenko «Filogeneticheskiye prezumpitsii...»). Journal of General Biology. 2005. № 5. T. 66. P. 436–441.
13. Panko K. K. Fictions in Criminal Law (in the Field of Law-making and Law enforcement) [Fiktsii v ugovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimerenii): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Yaroslavl, 1998.
14. Pervomaysky V. B. Presumptions in Psychiatry [Prezumpitsii v psikhii]. Kyiv, 2001.
15. Serikov Yu. A. Presumptions in Civil Legal Proceedings [Prezumpitsii v grazhdanskom sudoproizvodstve]. Moscow, 2008.
16. Sinchenko G. Ch. Language of Law. Part II. Terminological excitement [Yazyk prava. Chast' II. Terminologicheskii azhiotazh]. The scientific vestnik of Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (64). P. 57–64.
17. Sitnikova A. I. Fictions in the Criminal Law [Fiktsii v ugovnom prave] Leningradskiy yuridicheskii zhurnal. – Leningrad legal journal. 2008. № 1. P. 60–67.
18. Fedotov A. V. The Notion and Classification of Evidentiary Presumptions [Ponyatiye i klassifikatsiya dokazatel'stvennykh prezumptsiy]. Journal of Russian Law. 2001. № 4. P. 45–55.
19. Filimonova I. V. The Place of Legal Fiction in the System of Means of Legal Technique [Mesto yuridicheskoy fiktsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki]. Altai legal vestnik. 2013. № 4 (4). P. 47–53.
20. Tsukanov N. N. On the Criteria of Legal Presumption [O kriteriyakh pravovoy prezumpitsii]. Lawmaking technique of modern Russia: state, problems, improvement: a collection of articles: In 2 tomes. N. Novgorod, 2001. T. 1.
21. Legal Technique and Its Significance for Law-making [Yuridicheskaya tekhnika i yeye znachenie dlya pravotvorchestva], 2015. URL: <http://www.lektsii.net/2-79404.html>